

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП НЕМЕЦКОГО ПЕДАГОГА В XIX ВЕКЕ

Вектор взаимосвязей Западной Европы и России, заданный XVIII столетием, во многом определялся отношениями учительства и ученичества. Иноземец, какой бы профессией он ни обладал, воспринимался на российской почве как носитель особого знания. Усвоение иноземной учености протекало не без затруднений, в значительной степени обусловленных особенностями менталитета русского человека, который, по словам И. А. Ильина, «живет, прежде всего, сердцем и воображением и лишь потом — волею и умом».

Особое место в российской культуре XIX в. принадлежало немецкому педагогу. Представления, связанные с этнокультурными аспектами обучения, отражены в языке, литературе и публицистике. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля тема обучения занимает особое место. Этнографические, исторические и лингвокультурные сведения, собранные В. И. Далем, позволяют реконструировать представления, связанные с этнокультурными аспектами знания, сложившиеся в русском языке. Пословицы, включенные в словарь для иллюстрации употребления слов, подчеркивают особую осведомленность немецких ремесленников:

Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами, то есть перенимает.

У немца на все струмент есть.

Хитер немец: обезьяну выдумал!

Немец без штуки с лавки не свалится (штука в значении хитрость, лукавство, обман, притворство).

Мастера немцы корзины плести.

Мудрые немцы, камышенцы! (Камышено — район многочисленных поселений русских немцев).

Помимо искусности и учености в лингвокультурный стереотип немца включаются такие качества, как чрезмерный педантизм и точность. Увлечение «немецкими мудрецами» — немецкой классической философией, столь популярной в российских образованных кругах в XIX в., — в народном мировоззрении расценивалось как глупое, бесстолковое занятие. В словаре Даля находим такие примеры: «*Начитавшись немецких мудрецов, он только ими и бредит*»; «*Он с тех пор обезмозгел, как принялся за немецкую философию*»; «*Немецкая философия совсем отарабарила его*». Комментарии самого Даля, помещенные в отдельных статьях, выявляют его личное отношение к официальной немецкой учености: она оценивается им как неглубокая, не соответствующая российской действительности. Немецкий ум хитрый (искусный, мудрый, изобретательный), однако он оказывается слишком односторонним, не приспособленным к русской жизни, поэтому сравнение с русским не всегда в пользу немца:

Кабы у немца напереди, что у русского назади (ум)!

* Н. П. Попова — выпускница филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Научный руководитель — заведующая кафедрой русского языка, профессор В. Д. Черняк.

Когда Бог создал немца, француза, англичанина и пр. и спросил их, довольны ли они, то они отзовались довольными; русский также, но попросил на водку.

В художественной прозе В. И. Даль также уделял особое внимание проблеме обучения. В рассказе с говорящим названием «Колбасники и бородачи» автор иллюстрирует стереотипные представления об ученичестве немцев, их чрезвычайной осведомленности в ремесленном производстве. Именно с этой точки зрения в рассказе немец-мясник дает оценку «русским мастерам»: «...Вот видишь, друг мой Петруша, на это земляки ваши хороши; за это я их уважаю: *расторопны, догадливы, поворотливы; все сделают, все переймут, да все как-нибудь. Вот почему они на такое искусство, как наше, не годятся. Наше звание почетное, Петруша; наша работа смысленая, требует науки, ученья, хороших, основательных сведений, любви к искусству своему, прилежания, доброй нравственности и большой аккуратности*». В рассказе «Русак» В. И. Даль затрагивает ту же тему, но ход размышлений и выводы его уже не так однозначно положительны по отношению к немцам. Интересно отметить, что к той же истории обратился и И. С. Тургенев в повести «Дым». Широко известный в народе «случай из жизни» повествовал о том, как при реставрации адмиралтейского шпиля в Петербурге работник по имени Телушкин без специальных знаний и инструментов взобрался на шпиль и умудрился его отремонтировать, в то время как традиционно реставрация требовала специальных подготовительных работ («лесов» и т. д.), для чего приглашались немцы-архитекторы. Выводы писателей расходятся. Для Даля такой поступок является выражением русской сметливости (более ранняя редакция этого рассказа так и называлась «Русская сметливость»), которая традиционно недооценивается, хотя могла бы выступить достойной заменой «немецкой изобретательности и учености». Противоположной точки зрения придерживается И. С. Тургенев: «...Хвалить Телушкина, что

на адмиралтейский шпиль лазил, за смелость и ловкость — можно; отчего не похвалить? Но не следует кричать, что, дескать, какой он нос наклеил немцам архитекторам! и на что они? только деньги берут... Никакого он им носа не наклеивал: пришлось же потом леса вокруг шпиля поставить до починить его обыкновенным порядком. Не поощряй-те, ради бога, у нас на Руси мысли, что можно чего добиться без учения! Нет, будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись с азбуки!»

Иностранные гувернёры, бонны и домашние воспитатели являлись неотъемлемой частью образовательного процесса в XIX в. В литературе мы находим многочисленных персонажей, на плечи которых была возложена не только передача знаний, но и формирование духовного мира их подопечных. Идеалы наставничества воплощают, например, Иван Яковлевич в рассказе Н. С. Лескова «Томление духа (Из отроческих воспоминаний)», Карл Иванович в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» Л. Н. Толстого или Христофор Федорыч Лемм в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

В романе «Обломов» теме образования и воспитания уделяется особое внимание. И. А. Гончаров убедительно доказывает, что особенности немецкого и русского менталитета оказываются определяющими в формировании духовного и умственного потенциала воспитанников — Ильи Ильича Обломова и Андрея Штольца. Не случайно имя Штольц и в современном публицистическом дискурсе активно употребляется как синоним деловой активности.

Помимо образцовых педагогов, воплощающих идеалы наставничества, в литературе того времени были нередки пародии или даже откровенные карикатуры на домашних педагогов-немцев (Вральман в комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина, Herr Frost в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и др.).

Устойчивые ассоциации, связывающие представителя западной культуры с его наставнической ролью, отразились и в семан-

тике слова *немец*. У него выделяется производное значение — «преподаватель немецкого языка» и устарелое «гувернер, воспитатель на немецкий лад». Пример, иллюстрирующий употребление данного слова, вскрывает престижность «немецкого воспитания» и существование комплекса представлений, лежащих в основе такого воспитания: «*Немец при детях — и не гувернер и не дядька, это — совсем особенная профессия. Он не учит детей и не одевает, а смотрит, чтобы они учились и были одеты, печется о их здоровье, ходит с ними гулять и говорит тот вздор, который хочет, не иначе, как по-немецки*» (Герцен. Былое и думы).

В юмористической публицистике XIX в., адресатом которой выступали самые широкие слои читающей публики, также затрагивалась рассматриваемая тема. Объектом добродушного высмеивания нередко выступала «русская речь» немцев-наставников. Так, в целом ряде выпусков газеты «Заноза» находим рубрику под названием «Карл Карлович преподает уроки русской словесности», в которой немец дает толкование «одинаковым» словам русского языка: «...— Есть слови на русский язык, который произношений имеют одинаковый, но смысл разный; так например: *сабор* — храм, *сабор* — что загородка вокруг дома и *сабор* — чем запирать дверь...» (Заноза. 1865. № 9). Сходная рубрика помещается и в газете «Развлечение» под названием «Филозофство и рассуждений Карла Ифановиши Шистерле». В ней автор-немец толкует на свой лад пословицы русского языка: «... Когда хлеба ни куска, то в горло лежит доска. / — Кто же туда доска положил? Ведь она большой... Хлеб с брюхом не койдит. / — Это все снают, что у хлеб бруха не бывает...» (Развлечение. 1878. № 27). Такие незамысловатые «толкования» сопровождаются портретом их автора: в одной руке он держит традиционную немецкую кружку пива, а другую — поучающее заносит вверх.

Помимо юмора, объектом которого является русский язык немцев, в публицисти-

ке обнаруживается и иной ракурс осмысливания деятельности немецких учителей, связанный уже с более глубоким анализом роли *наставничества*. «Немецкая ученьность» выступает в таких публикациях, как крайнее «наукоподобие». В одной из шуточных рецензий газеты «Заноза» рассматривается брошюра некоего господина Вертенфершлюкера (с нем. *der Wert* — ценность, значение, *verschlucken* — глотать): «...Так г. Вертенфершлюкер полагает, что уровень образования современного нам общества, всех государств, существующих в настоящее время на земной поверхности или, говоря проще, — всего человечества вместе взятого, стоит в 137,640 раз выше образования времен Карла Великого; потом — в 893 829 с половиной раз выше образования времен Персидской войны; в 7 342 405 раз выше времен Ликурга, и наконец в 247 356 463 249 и три четверти раза выше образования Адама и Евы...» (Цифры мыслителя немца г. Виртенфершлюкера. Заноза. 1865. № 8).

В фельетоне под названием «Карла Карлович, или Рациональность и науки» высмеивается «ученость» немецкого агронома, заключающаяся в очевидных и не применимых на практике вещах. «Рациональные перемены», которые вводит Карла Карлович Гелертер-Нарр (нем. *der Gelehrter* — ученый, *der Narr* — слабоумный, дурак) оказываются неприменимы в русском имени: «...С утра до ночи отвешивали 20 человек пропорцию корма для каждой скотины; когда отвесили недостало места разложить 3 100 отдельных порций; пополам с бедой сделали и это, но ни быки, ни овцы, как нарочно, не хотели попадать по нумерам к своим порциям, и совершенно смешались. Карла Карлыч пришел в отчаяние от глупости быков и овец, совершенно не покоряющихся рационализму и науке» (Весельчак. 1858. № 8).

В ряде сатирических публикаций поднимается вопрос о культурных различиях, обусловливающих неприятие «немецкого» подхода к образованию. Например, в сатирической зарисовке «Песня для простона-

родных школ (...Russisches Schueler-Lied)» автор расскрывает причины неприятия немецких нововведений: «...— Да у нас, батюшки, многомудрые гг. Немцы, народ-то не тот, обычай другой, вера иная, — так у нас все по-своему искони ведется. Услышат мужищи-отцы, что в школе поют песни, да и возмут оттуда своих ребят... Это, скажут они (эти невежды) не школа, а кабак, аль хоровод какой-то... Слыши, заместо того, чтобы учиться "от писаний", наши детишки распеваются в школе... Баловство одно да и только; и учат-то здесь, прибавят они, не по божью... Грамота ведь дело святое...» (Заноза. 1863. № 43).

Еще одна важная тема предстает в сатирическом ключе — это слепое преклонение перед немецкими педагогами, которые представляются абсолютно некомпетентными и корыстолюбивыми: «...А вот наши просветители — учителя и профессора; одни из них, хваленые немецкие педагоги, душат несчастных младенцев предметными уроками о своих пяти пальцах, помышляя в это время о необходимости еще возвысить цены на драгоценные часы времени, проводимые ими в постройках с детьми курганов из песку и скатывании комочеков из глины...» (Будильник. 1876. № 9). В целом ряде зарисовок сатирик развенчивает жестокость немецких настав-

ников: «Немецкий педагог (Иоанн Яков Гейберле)» (Развлечение. 1865. № 47), «Провинциальные экскурсии (...Немецкие педагоги и Грэтхэны)» (Будильник. 1881. № 4), «Заметки деревенского жителя» (Искра. 1865. № 35), «Образчик немца-культуртрегера» (Искра. 1871. № 42).

Таким образом, в пословицах и устойчивых выражениях, выделенных на материале «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, отражается высокая оценка глубоких знаний и умений немецких мастеров. В художественных и публицистических произведениях создаются образы немцев-наставников, обладающих высокими духовными качествами. В юмористической же публицистике середины XIX в. выявляются отрицательные стороны деятельности немцев-педагогов: в их пусты и глубоком знании нередко преобладает тяготение к крайнему формализму и невнимание к российской действительности.

Понимание исторических аспектов значимых и сегодня культурных концептов, к числу которых, несомненно, относится концепт *немец*, заставляет с вниманием отнестись к их содержательным составляющим. Учитительство, наставничество немцев в представлении русских — важная сфера приложения немецких качеств, как положительных, так и отрицательных.